

АВАНГАРД НА ПАМЯТЬ

16 ноября 2007

Коммерсантъ
Weekend

У дома Мельникова есть шанс стать настоящим музеем надеется член попечительского совета дома Мельникова Григорий Ревзин.

Два года назад сенатор от пермского края Сергей Гордеев купил половину дома архитектора Константина Мельникова. Это памятник архитектуры мирового уровня, дом – утопия русского авангарда, который выглядит как станция землян на Марсе. Вернее, это станции землян на Марсе выглядят как этот дом, поскольку все они с него рисовались.

Когда сенатор купил полдома, многие, в том числе и я, заподозрили страшные вещи. Что он сейчас купит вторую половину и потом снесет дом, а вместо него выстроит что-то высокодоходное. Сенатор, однако, стал действовать совсем в другую сторону, создал фонд «Русский авангард» (который за это время успел издать 15 книг про русский авангард, отремонтировать павильон России на Биеннале в Венеции, привезти в Россию выставку Альваро Сиза и провести выставку русского архитектурного авангарда в МОМА в Нью-Йорке), передал в этот фонд свою половину дома и купил другой шедевр Мельникова – клуб «Буревестник». И стал делать из дома Мельникова музей. Еще некоторое время культурная общественность посомневалась, что это все же дымовая завеса, а на самом деле он лелеет темные замыслы, но долго продолжать сомневаться было невозможно.

Все пошло в сторону музея, но это оказалось не совсем гладко. Культурная общественность всегда говорила, что нужно делать музей. Еще при жизни Константина Мельникова, потом в 90-е годы, когда там жил его сын, художник Виктор Мельников, потом когда Виктор Мельников умер, завещав свою половину дома государству (половина принадлежала его сестре, а потом ее сыну Алексею Илькинаеву, ее и купил сенатор) с тем, чтобы там был сделан музей. Но это не получалось. Внуки великого архитектора судились (и сейчас судятся) друг с другом, выясняя кому исполнять волю отца по передаче их имущества государству. Государство не может получить свое наследство, потому что условием получения дома в собственность является организация музея, а организовать дом-музей, еще не имея дома в собственности, по нашим инструкциям никак нельзя. Казалось, что эта уютная ситуация будет длиться вечно. Культурная общественность всегда будет гневно требовать, чтобы был музей, внуки всегда будут судиться, государство всегда будет шуршать инструкциями, и все всех с пеной у рта будут обличать.

Так, собственно, всегда бывает с наследием всех великих авангардистов. Всегда есть наследие, часто – судящиеся наследники, всегда неопределенные планы государства и обличения со стороны культурной общественности. И пока нет ни одного музея ни

одного из великих деятелей русского авангарда – ни Малевича, ни Кандинского, ни Татлина, ни братьев Весниных, ни Гинзбурга – никого. Сенатор, однако же, не искушенный в этих тонкостях наших культурных установлений, объявил все это мельтешней и напрямую стал делать музей. В том смысле, что если его сделать, то юридические проблемы как-то решатся. В такой постановке вопроса обнаружилась какая-то скандальная неожиданность. Потому что как это – сделать музей? Просто взять и сделать?

Музей – это во-первых, посетители, во-вторых – экспозиция, в-третьих – сотрудники, в-четвертых – финансирование. Дом Мельникова – он маленький, в нем триста квадратных метров, и жили там всегда не больше пяти человек. А посетители – это ведь экскурсии, люди. Натопчут. Да и вообще там перекрытия экспериментальные, они и сейчас провисают, а если туда привести экскурсию человек в тридцать – вдруг рухнет. Музей – это, между прочим, и пожарная безопасность, и эвакуационные выходы – этого ничего там нет. Дом, чтобы туда пускать людей, надо реконструировать, а это памятник. Опять же экспозиция. Что там показывать? Вообще-то предметом показа в доме Мельникова всегда был сам дом, там жили люди, мы на это как бы не обращали внимания, а смотрели сам дом. Но теперь там уже не будут жить, будет музей. Нужно там картинки какие-то, проекты Мельникова. Где их взять, какие вешать? Опять же сын Мельникова, Виктор, был художником и все его картины висели и стояли в доме, и он вообще в завещании потребовал, чтобы это был музей отца и сына Мельниковых. Как быть с этим? Теперь сотрудники. Их же нужно где-то помещать? Офис делать, дирекцию, фонды. Там всего триста метров, еще и это туда селить? Тупик, совершеннейший тупик.

Когда я все это рассказывал сенатору Гордееву, мне казалось, что это прямо откровение, что никто этого не понимает. Однако же по мере рассказа выяснилось, что с этой песней к нему уже приходила разная культурная общественность, и я чуть ни пятидесятый исполнитель. Жаль, конечно, блеснуть не удалось, но суть дела от этого не менялась. Все равно получалось, что музей здесь сделать нельзя, потому что нет места.

Однако фонд «Русский авангард» выкупил квартиру на первом этаже дома, непосредственно примыкающего к мельниковскому, окнами как раз выходящую в сад этого дома. И там теперь можно делать и офис, и билетную кассу, и фонды. То есть место появилось. Против квартиры на Арбате любые аргументы как-то тускнеют.

Фонд «Русский авангард» сформировал попечительский совет по формированию дома-музея Мельникова, в который включили архитекторов-звезд (Заху Хадид, Рэма Колхаса), историков архитектуры (Джон Стаббс, вице-президент Всемирного фонда памятников, Жан Луи Коэн, известнейший историк и теоретик архитектуры из Франции), художников (Илья и Эмилия Кабаковы), журналистов (Клементина Сесил, между прочим, основательница Московского общества охраны архитектурных па-

мятников), директоров музеев Алваро Аалто и Джона Соана, и важных людей от России – директора московского музея архитектуры Давида Саркисяна, ректора МАрХИ Дмитрия Швидковского, замначальника департамента культуры правительства РФ Павла Хорошилова и внучку Мельникова Екатерину Каринскую. Первое заседание совета состоялось в октябре, в Лондоне, в музее Джона Соана.

Музей Джона Соана это вообще один из лучших музеев в мире, который я видел. Это как бы такой кубик Рубика, только вместо цветных кубиков – античная скульптура, архитектурные детали, картины, гравюры, статуи, и всего этого напихано до предела, и пока ты ходишь, кажется, что кубик кто-то вертит – ты вышел из комнаты, хочешь вернуться назад, а там уже совсем другое, с другими антиками, другим светом, других пропорций помещение. Как это сделано – отдельный разговор, но, поверьте, это фантастическое место.

Ну вот, вся эта почтеннейшая публика собралась в утренней столовой сэра Джона и стала заседать. Фонд «Русский авангард» заказал проект концепции музея британскому бюро Casson Man, и бюро докладывало. Это был потрясающий доклад.

«Как сделать музей из дома Мельникова? Должен ли это быть музей в доме или музей дома, где дом – сам экспонат музея. Как быть с посетителями? Можно ли сюда пускать экскурсии? Как быть с безопасностью вообще и с пожарной в частности? Как укреплять перекрытия? Как реконструировать дом? Какова должна быть там экспозиция? Должен ли это быть музей быта, как дом существует сегодня, или там должны быть выставлены произведения? Если да, то какие? Как быть с картинами Виктора Мельникова? Где делать офисы, дирекцию, фонды, где продавать книги?»

Все те вопросы, на которые я хотел получить ответ, бюро само задало собравшимся, вместо того, чтобы на них отвечать. А ответов вообще не было. Я так понял, что это особый, британский стиль работы.

Ну вот, они задали свои вопросы, и члены совета долго и по-разному на них отвечали, и в результате все решили, что перед советом стоит много вопросов, и надо еще встречаться и все это обсуждать. Если бы это все происходило у нас, в России, я бы сказал, что дело никуда не продвинулось, и никто ничего не решил. Но, во-первых, все члены совета придерживались прямо противоположного мнения, и в конце заседания был ужин, где настроение у всех было прямо триумфальное от того, как все замечательно поработали. А во-вторых, это бюро, Casson Man, сделало действительно превосходный музей Черчилля, а кроме того еще выставку военной формы XX века «Камуфляж» в музее Мировой войны в Лондоне, выставку китайской фотографии и видео, музей Времени в Гринвиче и еще десяток проектов, и, надо сказать, это действительно прекрасные выставочные дизайнеры, которые в итоге все делают прекрасно.

Поэтому я могу сказать одно. Музей дома Мельникова, по всей видимости, будет. И это будет такой музей, какого у нас еще не было – первый личный музей русского авангардиста, сделанный к тому же на высшем уровне современного мирового музейного дизайна. Но как это будет выглядеть, как это будет работать – пока никто не знает. Или, может быть, знает, но пока никому не говорит. ■

